№ 6 (10)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

ЕРЕВАН 2020

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

6 (10)

ԵՐԵՎԱՆ 2020
ЕРЕВАН 2020
YEREVAN 2020

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №6 (10). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2020. – 202 с.

ISSN 1829-4820

Журнал входит в список периодических изданий ***ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ОСТРОВ САХАЛИН» – «АД» VS. «КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ»: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Карен Суренович Акопян
karen.hakobyan@rau.am

К.ф.н., доцент,
и.о. профессора, зав. кафедрой русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены два центральных в книге путевых записок А.П. Чехова «Остров Сахалин» образа-мотива – «Сахалин – это ад» и «Сахалин – это крепостническая колония». Взаимодействие и взаимосвязанность этих образов-мотивов показаны также в одной из точек их пересечения – в теме экзистенциального обезличения каторжных, оказавшихся на острове.
Ключевые слова: А.П. Чехов, Остров Сахалин, ад, крепостническая колония, обезличение.

«Остров Сахалин» – книга очерков А.П. Чехова, написанная в 1891–1893 годах в жанре путевых записок после путешествия писателя на остров Сахалин летом – осенью 1890 года[1]. В основу книги легли как личные путе-

[1] В статье текст книги «Остров Сахалин» цитируется по полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова: в 30-и тт. – М.: «Наука», 1987. При цитировании сахалинских очерков и писем Чехова указываются том издания и страницы.

вые впечатления Чехова, так и собранные им обширные статистические данные.

«**Сахалин – это ад**» – один из центральных обобщающих образов чеховской книги. Этот образ несет большую смысловую нагрузку в художественной системе произведения, создавая особый ракурс рассмотрения проблемы и особую тональность восприятия сахалинской действительности. Он является одновременно и фоном, необходимым для адекватного понимания авторской позиции, и ключевым мотивом, способствующим верному осмыслению других художественных образов. В ходе его анализа мы опирались как на прямые лексические указания (функционирование слова «ад» в различных контекстах), так и на многочисленные косвенные, опосредованные ссылки.

Впервые слово «ад» встречается уже в первой главе предваряющих «Остров Сахалин» очерков «Из Сибири», являющихся своеобразным прологом-вступлением к основному произведению: Чехов завершает изображение паромщиков – ссыльных (!) – следующими словами: 1) «На **этом свете** они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и **на том свете** им будет худо: пойдут за **грехи** в **ад**» (здесь и далее в примерах выделено нами – *К.А.*) [С. XIV–XV: 10].

В IV главе очерков «Из Сибири», описывая разлив Иртыша, Чехов пишет о нем и его береге, что, «судя по виду», на нем «могут жить одни только жабы и **души** больших **грешников**» – и далее приводит следующее сравнение: 2) «Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по **гробам**. Проклятое впечатление!» – и тут же рядом, не боясь чрезмерности повтора, – «сердитый Иртыш стучит по **гробам**…» [С. XIV–XV: 19]. Как не сравнить в эту минуту могучую сибирскую реку со Стиксом?

Уже подплывая к самому Сахалину, автор замечает: 3) «Кажется, что тут **конец света** и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами» [С. XIV–XV: 45].

В очерках мы еще несколько раз встречаемся с прямым указанием на «адский» характер острова: накануне прибытия на остров Чехов наблюдает картину пожара: 4) «Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэ-

тов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. <…> похоже, как будто горит весь Сахалин. <…> И все в дыму, как в **аду**» [С. XIV–XV: 54].

Удивительно, но сами каторжные воспринимают себя мертвыми: 5) «...приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы **умирает** для того общества, в котором он родился и вырос. Каторжные так и говорят про себя: "**Мертвые** с погоста не возвращаются"» [С. XIV–XV: 345].

Описывая Дуйскую тюрьму – одно из самых ужасных мест на острове, – Чехов замечает: 6) «…воображаю, какой **ад** бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней и сосульки» [С. XIV–XV: 131].

Негодуя против равнодушия общества, лицемерно возмущающегося тюремными порядками и в то же время встречающего протестом всякий шаг к улучшению быта арестантов, Чехов приходит к справедливому заключению: 7) «Если мужик часто живет дома хуже, чем на каторге, то по логике такого замечания каторга должна быть **адом**.…» [С. XIV–XV: 134–135].

В черновой рукописи число этих деталей еще больше. Так, прощаясь с Северным Сахалином, со «страшной Воеводской тюрьмой» и Дуэ, он писал: 8) «…и глядя назад, на этот мрачный мирок, этот маленький **ад**…» [С. XIV–XV: 514; варианты к с. 180].

Кроме того, 9) «**кромешным адом**» назван был в черновике дом терпимости на Сахалине, куда за 15–20 лет до Чехова попадали все каторжные женщины по прибытии на остров: «поступали в дом терпимости … женщины / поступали в кромешный ад…» [С. XIV–XV: 580; варианты к с. 247].

Неудивительно, что по возвращении с острова Чехов вновь обращается к этому образу, называя Сахалин адом: 10) «Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым **адом**» (А.С. Суворину, 9 дек. 1890 г.) [П. IV: 139]; 11) «Я был <…> в **аду**, каким представляется Сахалин…» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 10 дек. 1890 г.) [П. IV: 143].

Приведенные примеры явственно указывают на то, что этот образ-мотив находит в произведении отнюдь не одномерное, не однолинейное вопло-

щение. Во-первых, очевидно, что идея «ада» воплощается в сибирско-сахалинских очерках не столько в христианско-религиозном ключе, сколько в художественном, образно-метафорическом, опирающемся на культурный, литературно-мифологический фон. Во-вторых, наблюдается динамический процесс смещения смысловых акцентов с прямого значения этого многозначного слова на переносное, перетекание религиозно окрашенного значения «место, где души умерших грешников после смерти предаются вечным мукам» (примеры 1, 4 и 5, косвенно – 2 и 3) в переносное – «невыносимые условия, тяжёлое состояние; хаос и ужас, царящие где-нибудь» (примеры 6 – 9) (значения даны по [6: 18]; см. также [5, I: 25]). Однако в некоторых случаях, как в примерах (10) и особенно (11), контекстная диффузность приводит к тому, что размываются границы между прямым и метафорическими значениями слова (добавляется также ещё одно переносное значение «об испытываемых нравственных страданиях, душевных муках» [5, I: 25]), они налагаются друг на друга, и происходит смысловой резонанс, когда слово переливается различными семантическими оттенками, обогащая тем самым художественный образ.

Этот образ питают и ряд косвенных, опосредованных деталей: это устойчивые словосочетания с опорным словом «свет» (в пространственном значении) – «**этот / тот свет**»[2]; «конец света» (в значении «край мира»); это и немаловажный мотив «греха» и, следовательно, «грешников»[3] (в книге было обнаружено 6 контекстов употребления слова «грех» как в прямом, так и в переносном значениях (См.: [С. XIV–XV: 43, 173, 263, 264, 274, 346]).

[2] На с. 120 повествуется о некоем надзирателе со странной (а в ракурсе исследуемого образа – символической) фамилией **Убьенных** (!) («на лице у него в самом деле <было> что-то убиенное, горько-недоумевающее»), вся служба которого «заключалась только в докладах приезжающим, что всё **на этом свете** обстоит благополучно». И вновь Чехов обращается к «языковой игре»: в противопоставительной паре «этот свет» – «тот свет» именно второе словосочетание понимается как обозначение потустороннего, загробного мира, однако в данном контексте наблюдается референциальная перестановка: Сахалин – «этот свет» для надзирателя – является другим, иным миром для приезжающих с материка и, следовательно, ассоциируется ими с «тем светом».

[3] «Ассоциация “Сахалин – ад” подкреплялась и тем обстоятельством, что на острове страдали, отбывая наказание, преступники, то есть грешники» [4: 152].

Безусловно, усиливает анализируемый нами образ такое – в духе античности – сравнение: 12) «люди бродили, как **тени**, и молчали, как **тени**» [С. XIV–XV: 65] (это во время праздника по случаю прибытия на остров генерал-губернатора Корфа). Тонким намеком на «адский» характер Сахалина являются полные тайной тревоги и одновременно юмора строки из письма Чехова А.С. Суворину (собиравшемуся летом отправиться куда-то на юг): 13) «…Скоро пробьет час, в онь же все праведные уедут за границу или в Феодосию, а грешные к генералу Кононовичу и аггелам его…» (А.С. Суворину 17 мар. 1890 г.) [П. IV: 42]. В словаре В. Даля читаем: «Аггелъ – злой духъ, діаволъ, сатана» [3, I: 4][4]. Стало быть, В.О. Кононович воспринимался тогда писателем, конечно иронически, не только как начальник острова, но и как предводитель дьявольских сил, что для Чехова было одно и то же, а сам остров, очевидно, ассоциировался с адом.

Надо сказать, что восприятие Чеховым острова не было статичным, оно изменялось: если в первое время изображение писателем сахалинской действительности часто принимает фантасмагорические, инфернальные черты, то потом, по мере погружения в жизнь острова, его будни (и даже праздники), описание становится все более реалистичным, наполняется естественными красками и формами.

Второй обобщающий образ, также постоянно возникающий в книге, – «**Сахалин – крепостническая колония**». Сняв в процессе работы слова: «о рабовладельческой эпохе *в.* о сходстве рабовладельческой эпохи, которое пе-

[4] Это сугубо книжное, церковнославянское слово имеет довольно интересную историю: «В период II южнославянского влияния в соответствии с греч. орфографическими правилами начинают писаться и сочетания букв, что предполагает и греческие правила чтения этих сочетаний. Именно так обстоит дело с написанием *гг* вместо *нг*, *гк* вместо *нк*. Так, например, под влиянием греческой орфографии вместо **ангєлъ** начинает писаться **аггєлъ** (ср. греч. ἄγγελος)… При этом по правилам греческого произношения γγ и γκ читается с первым носовым согласным: [ng], [nk]. <…> Однако под влиянием грецизированного написания появляется и неправильное произношение, обусловленное побуквенным чтением... Этому неправильному произношению усваивается специальный смысл: … *аггелъ* начинает означать не ангела, а **беса, падшего ангела**; в этом специальном значении данное слово входит в норму церковнославянского языка» (выделено нами – *К.А.*) [9: 304, 334].

реживает теперь сахалинская колония…», «возводились [колизеи и] храмы» [С. XIV–XV: 593; варианты к с. 260], Чехов нейтрализует возможность сравнения Сахалина с римским рабовладельческим обществом и, напротив, усиливает ассоциативную связь с русским крепостничеством. Публицистически остро эта тема звучит в V главе, в которой автор обращается к вопросу о прислуге на Сахалине – «обидному и грустному вопросу». Прибегая к жонглированию законами, начальники острова господа Гинце и Кононович отдавали приказы, внешне запрещающие назначать ссыльнокаторжных в прислугу к чиновникам, но на деле «человек заинтересованный мог широко толковать их в свою пользу» [С. XIV–XV: 97] – и толковали! К моменту прибытия Чехова на остров, все чиновники, даже не имевшие никакого отношения к тюремному ведомству, пользовались каторжными для своего домашнего обихода «в самых широких размерах», причем жалованья им не платили. И Чехов разражается гневной тирадой в адрес сахалинского чиновничьего аппарата (что, кстати сказать, довольно редкое явление в фактически «спокойном» тексте книги), обвиняя чиновников в том, что 14) они превратили каторгу в крепостничество, «так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей»; а ссыльнокаторжного превратили в раба, «зависящего от воли барина и его семьи, угождающего его прихотям…» [С. XIV–XV: 98]. Образ такого «барина» и его семьи появляется в IX главе, когда писатель посещает селение Дербинское. 15) Смотритель Дербинской тюрьмы – В.В. Овчинников – «точь-в-точь как помещик доброго старого времени, денно и нощно пекущийся о запасах» [С. XIV–XV: 150]. Сколько жёлчной иронии скрыто в описании этого чиновника, который «все ходит от амбара к амбару и звенит ключами»; так и слышатся щедринские («головлёвские») интонации: 16) «и кругом чувствуется тихая, приятная сытость и довольство; ступают мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенненькое довольствие…» [там же].

Со временем, ближе познакомившись с островом, с его населением и с его порядками, Чехов приходит к гораздо более горькому заключению, включив в чиновничью среду и интеллигенцию: 17) однажды за обедом старик-каторжный «подал что-то не так, как нужно, и чиновник крикнул на него строго: «Дурак!» Я посмотрел тогда на этого безответного старика и,

помнится, подумал, что русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к крепостному праву» [С. XIV–XV: 209].

Оба указанных образа-мотива, несомненно, тесно взаимосвязаны. И дело здесь не только в том, что на Сахалине суровые природные условия становятся адскими вследствие равнодушного, бесчеловечного, попустительского отношения чиновничьего аппарата, что люди низведены до рабов, в лучшем случае – крепостных, бессловесных тварей, оцениваемых лишь с точки зрения их физических возможностей (каторжные, по признанию Чехова, заменяют на острове вьючных животных(!) [С. XIV–XV: 75]). Помимо невыносимых физических страданий, выпадающих на долю ссыльных, чрезвычайно губительно воздействовали на них и сама окружающая обстановка, тупость, недобросовестность и крутой нрав всяких крупных и мелких чиновников, когда на каждом шагу приходилось терпеть от их наглости, несправедливости и произвола[5]. 18) «А между тем каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит всего больше справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие» [С. XIV–XV: 139].

Крайне пагубно сказывалась на психике сахалинцев и система наказаний, принятая на острове. На каторге широко применялись розги – единственный метод «воспитания», плети, приковывание к тележке, то есть те наказания, которые не просто причиняют телу преступника боль и мучения, но и позорят его личность, что приводит в результате к нравственному падению человека, к утрате им человеческого достоинства. Что касается других видов наказания, то, например, и оковы, и туз на спине (сначала – желтый, потом – черный), и наполовину бритые головы, утратили свое прежнее значение (они служили для предупреждения побегов и распознавания ссыльных) и сохранились лишь как позорящие наказания. (О семиотической интерпретации старения и стирания *опознавательных и различительных знаков*, об *опусто-*

[5] «И теперь встречаются чиновники, – с горечью признается Чехов, – которым ничего не стоит размахнуться и ударить кулаком по лицу ссыльного… или приказать человеку, который не снял второпях шапки: “Пойди к смотрителю и скажи, чтобы он дал тебе тридцать розог”» [С. XIV–XV: 319].

шенных знаках в поэтике Чехова см.: [7]). Особенно показательно разрушающее воздействие на психику людей цепей и кандалов, когда восприятие ненормального, неестественного положения дел приводит к экстраполяции заключенного состояния каторжных на окружающую действительность. Так, на острове не только собаки находятся на привязи, но если есть свиньи, то с колодкой на шее, и даже петухи привязаны за ногу. «У нас на Сахалине все на цепи. Земля уж такая», – слышит в ответ на свой вопрос изумленный писатель. (См.: [С. XIV–XV: 73; также 152]).

И все же своеобразие сахалинского «ада» заключается в том, что писатель не заостряет особого внимания на исключительных проявлениях жестокости, садизма, почти проходит мимо психопатологических причин преступления, крайностей произвола и насилия. В этом смысле он даже считает, что «“Мертвого дома” уже нет»[6] [С. XIV–XV: 320]. Трагизм и ужас ссыльно-каторжного существования он видит прежде всего в извращающем влиянии общей атмосферы неуважения к человеческому достоинству, постоянного унижения личности. Чехов увидел каторгу и ссылку «через трагедию повседневного, будничного, рядового явления. Вот почему среди вопиющих ужасов каторжной жизни, таких, как телесное наказание, писатель замечает, казалось бы, «невинные», «безобидные» формы неуважения к человеку: он подчеркивает, что каторжники за 50 шагов снимают шапку перед начальством, чиновники бесцеремонно выбирают прислугу <и «девочек» и многое другое>…» [2: 28].

Не вызывает никакого сомнения, что описанные невыносимые условия, унижавшие человеческое достоинство, неминуемо приводили к деградации, нравственному падению человека. И здесь нам бы хотелось остановиться на анализе несколько необычной, нетривиальной связи указанных выше двух образов-мотивов, пересекающихся в теме **обезличивания** человека на Сахалине.

Прибыв на «каторжный остров», Чехов оказывается в некотором антагонистическом мире, в котором естественные законы человеческого обще-

[6] Тонкому сопоставительному анализу «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Острова Сахалин» А.П. Чехова посвящена статья Г.П. Бердникова «Чехов и Достоевский». См.: [1].

жития либо не действуют вовсе, либо перевернуты с ног на голову. В этом «перевернутом» мире даже **имя**, необходимо-естественное свойство человека, претерпевает коренные, сущностные изменения – оно перестает *от*личать людей друг от друга, но становится показателем их *обез*личенности: 19) «У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий 20 лет, Яков Беспрозвания, бродяга Иван 35 лет [это число составляет часть фамилии; в действительности ему 48 лет], Человек Неизвестного Звания» [С. XIV–XV: 69]. Какими бы утилитарными, практически ориентированными ни были причины добровольного отказа человека от собственного имени (например, для того чтобы скрыться от властей при побеге), это так или иначе приводит к его обезличиванию. Отречение от имени преследовало именно эту цель, ведь бродяга стремится утратить отличительные черты, индивидуальные особенности, стремится стать похожим на других. А именно данные значения приводятся в «Словаре русского языка» при определении слова «обезличиться» [5, II: 526; см. также: 6: 426]. «Потеря» же имени разрывает последнюю, самую крепкую связь человека с его прошлым и с родиной.

Мотив обезличивания человека на каторге находит довольно неожиданное развитие. В селении Дербинском Чехов оказывается свидетелем сцены распекания смотрителем тюрьмы группы каторжников в 20 человек, просившихся в больницу. 20) «Они оборваны, вымокли на дожде, забрызганы грязью, дрожат; они хотят выразить мимикой, что им в самом деле больно, но на озябших, застывших лицах выходит что-то кривое, лживое, хотя, быть может, они вовсе не лгут… Приходит на ум слово «парии», означающее в обиходе состояние человека, ниже которого уже нельзя упасть. За все время, пока я был на Сахалине, только в поселенческом бараке около рудника да здесь, в Дербинском, … были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти» [С. XIV–XV: 152]. «Верный себе, Чехов видит «предельную степень унижения человека» не в страшных преступлениях и злодействах, не в сцене телесного наказания, а в такой привычной, наверное, для сахалинского быта (да только ли сахалинского?) картине: люди, которые и болеть-то могут

только по разрешению, которые потеряли способность владеть даже собственным лицом: хотят выразить мимикой одно, а получается совсем другое, – парии, будто шагнувшие в дождливое утро из ночного кошмара», – замечает литературовед И.Н. Сухих [8: 89]. При всей тонкости комментария, И.Н. Сухих не отмечает суггестивной насыщенности этого образа, когда «предельная степень унижения» человека приводит к абсолютному его *обезличиванию*, вплоть до потери контроля над собственным лицом. Тем самым образ создается благодаря синтезу двух смысловых блоков: с одной стороны, значения «лишение самостоятельности, возможности проявления себя как личности» (см. переносное значение «обезличить» [5, II: 526]), а с другой – своеобразной смысловой игры, вызываемой прямым, буквальным толкованием внутренней формы слова *обез-лич-ивание*. Физиологическое «обезличивание» становится показателем высшей степени униженности, забитости каторжника, его попранных прав и растоптанного человеческого достоинства.

Таким образом, представлены различные смысловые грани этого сложного образа, в формировании которого участвуют не только прямое и переносное значения, отмеченные в толковых словарях, но также те смыслы, которые создаются в результате «языковой игры» на уровне внутренней формы слова. Отказ от родного имени, предельная униженность человека и даже невозможность контролировать мимику собственного лица оказываются явлениями одного порядка, объединяясь в точке пересечения – **экзистенциальной обезличенности** ссыльнокаторжного, оказавшегося на «адском» острове.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердников Г.П.* Чехов и Достоевский // ВЛ. № 2. – М., 1984. – СС. 105–150.
2. *Гайдук В.К.* Творчество А.П. Чехова 1887–1904 гг. (проблема эволюции). – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
4. *Долженков П.Н.* Чехов и позитивизм. – М.: Изд-во «Скорпион», 2003.

5. МАС – Словарь русского языка в 4-х тт. // Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: «Русский язык», 1985–1988 [Малый академический словарь].
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополн. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005.
7. *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. – М., 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://my-chekhov.ru/kritika/problem/content.shtml (Дата обращения: 07.10.2020 г.).
8. *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
9. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М.: «Аспект Пресс», 2002.
10. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30-и тт. [Редкол.: Н.Ф. Бельчиков и др.] Сочинения в 18-и тт. – М.: «Наука», 1983–1987.
11. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30-и тт. [Редкол.: Н.Ф. Бельчиков и др.] Письма в 12-и тт. – М.: «Наука», 1974–1983.

«ՍԱԽԱԼԻՆ ԿՂԶԻՆ»՝ «ԴԺՈԽՔ» VS. «ՃՈՐՏԱՏԻՐԱԿԱՆ ԳԱՂՈՒԹ». ՀԱՏՄԱՆ ԿԵՏԵՐ

Կ.Ս. Հակոբյան
karen.hakobyan@rau.am

Բ.գ.թ., դոցենտ, պրոֆեսորի պաշտոնակատար,
Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի
ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ
Հայ-Ռուսական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են Ա.Պ. Չեխովի «Սախալին կղզին» ճանապարհորդական գրառումների գրքում տեղ գտած երկու կենտրոնական պատկերները-եղանակները՝ «Սախալինը դժոխք է» և «Սախալինը ճորտատիրա-

կան գաղութ է»: Այս պատկերների-եղանակների փոխազդեցությունն ու փոխկապակվացությունը նույնպես ցուցադրվում են դրանց հատման կետերից մեկում՝ կղզում հայտնված դատապարտյալների էքզիստենցիալ անձնազերծման թեմայում:
Բանալի բառեր՝ Ա.Պ. Չեխով, «Սախալին կղզին», դժոխք, ճորտատիրական գաղութ, անձնազերծում:

«SAKHALIN ISLAND» – «HELL» VS. «SERF COLONY»: THE POINTS OF INTERSECTION

K. Hakobyan
karen.hakobyan@rau.am

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Acting Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication of the Institute of Humanities
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article considers two central images in the book of travel notes by A.P. Chekhov's «Sakhalin Island» – «Sakhalin is hell» and «Sakhalin is a serf colony». The interaction and correlation of these images-motives is also shown in one of the points of their intersection – in the theme of existential depersonalization of convicts who find themselves on the island.
Keywords: A.P. Chekhov, «Sakhalin Island», hell, serf colony, depersonalization.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 15 октября 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 19.11.2020 г.